

Юрий Слюсарев

Монолит

«Автор»

2026

Слюсарев Ю.

Монолит / Ю. Слюсарев — «Автор», 2026

«Монолит» — психологическая и философская история о власти, человеческой природе, одиночестве и цене абсолютного контроля. Это роман о человеке, который стремится стать неуязвимым — и постепенно обнаруживает, что именно способность быть уязвимым делает его человеком. Потому что самый прочный монолит способен разрушить не удар извне. Иногда его разрушает сердце. Встреча с дамой сердца заставляет человека, привыкшего превращать всё живое в формулу, впервые столкнуться с тем, что невозможно просчитать: искренним чувством. Там, где Алексей привык видеть слабость, появляется тепло. Там, где существовал только контроль, возникает доверие. И впервые перед ним встаёт вопрос, который не способен решить ни один алгоритм: что останется от человека, если, подчинив себе весь мир, он окончательно потеряет самого себя?

© Слюсарев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Монолит

Глава

Будильник на матовой панели акустической системы Bang & Olufsen не вибрировал — он подавал звук ровно в 6:30. Из безупречно настроенных динамиков полился глубокий, меланхолический эмбиент-техно трек от *Kiasmos*. Алексей открыл глаза. Ему было двадцать пять, и этот мир уже принадлежал ему — по крайней мере, та его часть, которую можно было купить за деньги или подчинить жесткой, лидерской волей.

Он лежал на огромной кровати посреди своей квартиры на сорок седьмом этаже элитной высотки. Первое, что он видел каждое утро — это монументальные панорамные окна во всю стену. За стеклом, внизу, расстился утренний мегаполис: серый, затянутый дымкой, похожий на гигантскую микросхему, по артериям которой уже ползли миллионы биороботов. Алексей чувствовал себя богом, сошедшим на землю и вынужденным временно терпеть присутствие смертных. Интерьер квартиры дышал премиальным минимализмом: стены из полированного микроцемента, мебель из черного матового дуба, полы из редкого сланца с подогревом. Ничего лишнего. Никакого хлама. Только чистая геометрия статуса.

Алексей поднялся и пошел в ванную. Уход за собой для него был не просто рутиной, а священным ритуалом, маниакальной одержимостью. Он не имел права на визуальный изъян. Сначала — очищающий гель от *Augustinus Bader*, затем патчи под глаза и гидрогелевая маска с частицами золота, которая восстанавливала идеальный тонус кожи после короткого пятичасового сна. Раз в неделю — обязательный визит к личному массажисту и сеансы в закрытом премиальном солярии, поддерживающем легкий, благородный средиземноморский загар, словно он только что вернулся со своей виллы в Кап-Д'Антиб.

Смыв маску, он нанес сыворотку с витамином С и увлажняющий крем от *La Mer*. Кожа должна была выглядеть безупречно: матовая, подтянутая, излучающая агрессивный, сытый успех. Отражение в зеркале подтверждало то, что Алексей знал всегда: он лучше, умнее и породистее любого, кого он встретит за пределами этой двери.

В гардеробной его ждала одежда, подчеркивающая статус не просто сотрудника, а человека из руководящего состава. В свои двадцать пять Алексей занимал пост управляющего директора по стратегическому развитию. Никаких шаблонных костюмов-троек. Сегодня выбор пал на темно-синий блейзер из кашемира и шелка от *Loro Piana*, белоснежную сорочку *Barba Napoli* с перламутровыми пуговицами и брюки из тончайшей шерсти. На запястье легли стальные *Patek Philippe Aquanaut* — сдержанная роскошь для тех, кто понимает.

В брендах Алексей разбирался на молекулярном уровне. Он с первого взгляда определял качество кроя, происхождение фурнитуры и ценность ювелирных украшений. Финальный штрих — парфюм. Алексей выбрал *Roja Dove Elysium*. Этот аромат пах ветивером, амброй и запредельной уверенностью в себе. Лидерский, жесткий, циничный.

Но единственное, без чего Алексей физически не мог дышать и функционировать — это музыка. Она была его бензином, его ментальным архитектором. Перед выходом он надел

кастомные внутриканальные наушники из углеволокна. В уши ударил трек *Max Richter — Vivaldi Recomposed*.

Когда речь заходила о музыке, Алексей преображался. Он мог с академической точностью, переходящей в глубокую сентиментальность, описывать структуру звука:

«Вы слышите, как этот неоклассический пассаж скрипки буквально препарирует пространство? Это не просто переосмысление Вивальди, это анатомия экзистенциального одиночества, завернутая в безупречный цифровой ремастеринг...».

Музыка была его святыней. И если кто-то из коллег или знакомых осмеливался заявить, что это «просто скучный писк» или «попса», внутри Алексея мгновенно просыпался шакал. Бешеный, с капающей слюной, готовый в ту же секунду вцепиться несогласному в горло, морально разорвать его на куски, растоптать его убогий музыкальный вкус и задушить собственными руками за святотатство. К счастью для окружающих, этот шакалий оскал Алексей умел прятать за ледяной, аристократической улыбкой.

Выйдя из подъезда, Алексей надел свое главное оружие против внешнего мира — очки *Cartier* в тяжелой золотой оправе с легким коричневым градиентом линз. Сквозь это дорогое стекло мир казался чуть более сносным.

Его ждал черный матовый *Porsche Taycan Turbo S*. Сев в салон, он бросил быстрый взгляд на прохожих у метро. Убогие, серые куртки, уставшие лица, дешевая обувь. Алексей почувствовал, как внутри шевельнулось знакомое, темное чувство. Он презирал успешных людей своего круга, считая их напыщенными дураками, получившими блага случайно или по благу, но обычную серую массу он презирал еще сильнее. Ему хотелось, чтобы та внутренняя глухая боль, которую он сам иногда глушил, транслировалась на них. Он мысленно желал, чтобы каждый из этих людей испытал его уровень разочарования и душевной накипи. Пусть страдают. Никто не должен избежать этой экзистенциальной мясорубки.

Он нажал на педаль газа. Электрокар бесшумно и резко сорвался с места, унося 25-летнего хищника в стеклянную башню офиса, где его уже ждали покорные секретарши, завистливые замы и целый день контролируемого, высокомерного превосходства.

Заход Алексея в офис всегда напоминал визит диктатора в колонию. Стеклопакеты башни «Эмпайр» распахивались перед ним автоматически, но сотрудники расступались еще быстрее. Когда он шел по коридору департамента стратегического развития, разговоры умолкали. Его эгоистичный, напористый характер чувствовался за версту. Он не здоровался первым — он лишь изредка бросал короткий, оценивающий кивок тем, кто был ему полезен.

Офисные девушки провожали его долгими, липкими взглядами. Алексей знал, как они его хотят: его загар, его статус, его безупречно смоделированное лицо и жесткие, властные манеры сводили их с ума. И он этим пользовался с холодным цинизмом. Отношения? Верность? Смешно. Для Алексея женщины в этом офисе были как дорогие одноразовые салфетки. Он менял их как перчатки, без жалости и сантиментов. На прошлой неделе это была Алина из юридического отдела — три свидания, ночь в его высотке с видом на огни города и полный игнор на следующий день. Сегодня его взгляд уже лениво скользил по новой стажерке из маркетинга, которая судорожно поправляла юбку, когда он проходил мимо. Алексей мысленно уже

выставил ей оценку, как породистой лошади на аукционе, и занес в свой внутренний список краткосрочного расходного материала.

Весь рабочий день состоял из вещей, которые были Алексею глубоко противны, но составляли часть его игры. Совещания.

На часах было 14:00, когда он сидел во главе длинного стола из белого мрамора на совете директоров. Напротив него сидел Влад — сорокалетний вице-президент, грузный мужчина в костюме от *Brioni*, который сидел на нем как на мешке с картошкой. Влад с пафосом вещал о «цифровизации логистических цепочек». Алексей смотрел на него сквозь свои золотые очки Cartier, которые он не снял даже в помещении, и внутри него закипала ядовитая злость.

Влад был туп. Алексей знал это наверняка. Этот сорокалетний боров не заслуживал ни своей должности, ни своего загородного дома на Рублевке, ни своего бонуса с семью нулями. Он получил всё это только потому, что вовремя удачно женился на дочери основателя фонда. Смотреть на то, как этот успешный идиот пытается изображать из себя гения бизнеса, было физически больно. Внутри Алексея мир снова исказился в уродливый шакалий оскал: ему хотелось встать, подойти к Владу, сорвать с него этот нелепый галстук и ткнуть лицом в его же лживые графики, заставив сожрать каждую цифру.

Но внешне Алексей оставался безупречен. Он слегка откинулся на спинку кожаного кресла, плавно поправил манжет рубашки *Barba* и перебил Влада ровным, холодным и доминантным голосом:

— Влад, ваши цифры по оптимизации в четвертом квартале — это утопия. Вы не учли волатильность фрахта. Переделайте. Полностью. К завтрашнему утру.

Влад осекся, его лицо пошло пятнами. Он был старше, но лидерский напор Алексея буквально раздавил его авторитет перед остальными членами правления. Алексей внутренне ухмыльнулся. Маленькая, стерильная победа. Еще один день в этом цирке подходил к концу, а впереди был вечер — третья глава этой драмы, где ярмарка тщеславия должна была достичь своего апогея в элитном ресторане.

На часах было 18:45, когда Алексей вернулся в свой кабинет после совещания. Огромное пространство с угловым панорамным остеклением уже заливал густой, багрово-сизый закат. Город внизу окрасился в цвета остывающей стали и неоновых огней, которые лениво зажигались на фасадах соседних башен. Алексей подошел к стеклу, снял очки *Cartier* в золотой оправе и устало потер переносицу. Кожа под глазами слегка горела — действие утренних патчей закончилось, и социальное давление этого дня начинало оставлять свои невидимые микротрещины на его безупречном фасаде.

Он не любил спешку. Спешка — удел исполнителей, тех, кто вечно боится опоздать на электричку или пропустить дедлайн. Человек его уровня должен двигаться плавно, словно под водой, создавая вокруг себя гравитационное поле уверенности.

Алексей прошел к скрытому в стене зеркальному шкафу. Изменился статус мероприятия — должен был измениться и визуальный код. Предстоял ужин в «Olluso» — ультрапафосном ресторане авторской кухни, где за столы бились неделями, а средний чек равнялся месячной

зарплате той самой стажерки из маркетинга, которая сегодня так отчаянно пыталась поймать его взгляд в коридоре. На такие встречи не ходят в рабочем блейзере.

Он снял пиджак от *Loro Piana* и аккуратно повесил его на плечики. Из потайного ящика достал свежую, еще не распакованную сорочку от *Charvet* — глубокого, почти траурного антрацитового цвета. Ткань скользнула по телу, как прохладный шелк. Он расстегнул две верхние пуговицы, сознательно отказываясь от галстука; этот жест транслировал расслабленное превосходство мужчины, который может позволить себе легкий оскал небрежности там, где другие будут потеть в душных узлах.

Финальный штрих — смена парфюма. Для вечера *Elysium* был слишком цитрусовым, слишком деловым. Алексей взял тяжелый флакон *Black Afgano* от *Nasomatto*. Один короткий пшик на запястье, второй — на шею. В воздухе мгновенно повис густой, плотный, почти осязаемый шлейф из нот конопли, тяжелой смолы, табака и кофейной горечи. Этот запах не приглашал к диалогу. Он заявлял о границах, которые нельзя нарушать. Он пах опасностью и деньгами.

Алексей надел мягкий, безупречно скроенный блейзер от *Tom Ford* из черного бархата, который идеально подчеркивал его средиземноморский загар, и бросил быстрый взгляд на часы. *Patek Philippe* показывали 19:15. Самое время выдвигаться, чтобы приехать с каноническим двадцатиминутным опозданием.

Подземный паркинг башни встретил его гулким эхом и запахом дорогой резины. *Porsche Taycan* беззвучно мигнул светодиодными фарами, приветствуя хозяина. Алексей сел в салон, и тяжелая дверь отсекала его от мира. Но перед тем как нажать кнопку запуска, он замер. Ему нужен был глоток кислорода. Настоящего кислорода, а не этого очищенного офисного азота.

Он включил аудиосистему. Из динамиков поплыли первые аккорды трека «*Clair de Lune*» Дебюсси, но в глубокой, мрачной электронной обработке от *Jon Hopkins*. Пианино звучало так, словно струны были натянуты внутри пустого, ледяного собора, а тяжелые синти-пады на заднем плане создавали ощущение приближающейся океанской бури.

Алексей закрыл глаза и откинул голову на кожаный подголовник. Он слушал, как академическая, выверенная веками сентиментальность Дебюсси растворяется в грязном, плотном цифровом бэсе. Для него это было шедевром. Это была музыкальная анатомия его собственной души: чистая классическая форма снаружи и темный, пульсирующий хаос внутри. Если бы сейчас кто-то сел к нему в машину и сказал, что этот трек — «затянутая нудятина», Алексей, не задумываясь, вдавил бы голову этого ублюдка в центральный дисплей *Porsche*, ломая хрящи и наслаждаясь хрустом костей под этот безупречный аккорд. Музыка не прощала дилетантства. Она была его религией.

Через двадцать минут его автомобиль плавно остановился у входа в ресторан. Валет-парковщик в безупречной ливрее подбежал к двери, склонившись в поклоне, который Алексей даже не удосужился заметить. Он передал парню ключи, поправил на переносице очки *Cartier* — неоновые огни ресторана красиво отразились в их золотых дужках — и вошел внутрь.

Атмосфера «*Olluso*» была соткана из приглушенного света, аромата дорогого трюфеля и негромкого, но хищного звона хрусталя. Здесь не было случайных людей. За каждым столиком сидели те, кто считал себя хозяевами этого города.

Алексей сразу увидел их стол в глубине зала, у полукруглой стены из темного, подсвеченного изнутри оникса. Там уже сидели трое.

Первым был Кирилл — партнер из конкурирующего фонда, парень двадцати семи лет, чье лицо лоснилось от гиалуроновых инъекций и вечной, приторной уверенности в себе. Рядом с ним сидела его женщина, Алена — типичная галерейная сирена с точеными скулами, в бриллиантовом колье от *Messika*, которое стоило как бюджет небольшого провинциального города. Она держала бокал с шампанским *Dom Pérignon* так, словно это был скипетр её личной власти.

Чуть правее расположился Денис — глава департамента логистики крупной федеральной сети, мужчина тридцати двух лет с первыми признаками одышки, но в часах *Rolex Daytona* из желтого золота, которые он то и дело демонстративно выставлял на стол, поправляя рукав пиджака *Kiton*. Рядом с ним сидела Ксения — модель, чья единственная задача на этот вечер заключалась в том, чтобы красиво молчать и демонстрировать идеальные виниры.

Когда Алексей подошел к столу, разговоры на секунду смолкли. Они оценивали его. Скандинавский крой блейзера, глубина антрацитовая сорочки, блеск *Patek Philippe* на его запястье — Алексей читал их взгляды, как открытую книгу. Он видел, как в глазах Кирилла на долю секунды вспыхнул укол чистой, концентрированной зависти, когда тот заметил редкую модель часов Алексея. Кирилл тут же спрятал руку под стол, а Алена, женщина Кирилла, напротив, выпрямила спину и слегка облизнула губы, глядя на Алексея сквозь полуприкрытые ресницы. Она оценила хищную грацию 25-летнего директора. Она хотела его, и это было настолько очевидно, что Алексею стало тошно.

— О, Алексей! Наконец-то. Мы думали, ты совсем погряз в своих миллиардных пулах, — приторно улыбнулся Денис, поднимаясь для короткого, фальшивого рукопожатия. Его ладонь была слегка влажной, и Алексею стоило огромных усилий не вытереть руку о салфетку сразу после контакта.

— Работа не ждет, Денис. Кто-то же должен обеспечивать этот город ликвидностью, пока вы тратите время на дегустацию перуанских корнеплодов, — ровным, бархатным голосом ответил Алексей, присаживаясь в свободное кресло.

Он не улыбался. Его лицо оставалось маской ледяного превосходства. Официант мгновенно вырос рядом, наливая в его бокал воду *Voss*. Алексей посмотрел на собравшихся сквозь коричневый градиент своих очков, которые он так и не снял. Внутри него, где-то глубоко под кашемиром и золотом, его внутреннее существо уже обнажило зубы в чудовищном, шакальем оскале. Этот ужин только начинался, и Алексей уже чувствовал, как густая, черная накипь душевной злости начинает медленно подниматься к его горлу. Эти люди сидели здесь, празднуя свою пустую, незаслуженную жизнь, и он всем сердцем желал, чтобы эта ночь содрала с них эту фальшь до самого мяса.

Мы зафиксировали нужную плавность и глубину. Продолжаем выдерживать этот монументальный темп? В следующей части мы детально распишем сам ужин, их разговоры, хвостовство и то, как злость Алексея доходит до точки кипения.

Ужин тянулся со скоростью застывающей эпоксидной смолы. Официанты в беззвучных туфлях материализовались у стола каждые десять минут, принося блюда, которые выглядели не как еда, а как инсталляции в музее авангарда. Тартар из глубоководного лангустина с эмуль-

сией из юдзу, обожженный морской гребешок с пеной из трюфельного молока. Все эти кулинарные извращения подавались на тяжелых тарелках из колотого темного сланца, напоминавших осколки метеоритов.

Алексей едва прикасался к еде. Он лениво водил серебряной вилкой по тарелке, слушая, как фоновый шум ресторана — этот приглушенный, сытый гул сотен голосов — смешивается с фальшивым смехом за его столом. Запах *Black Afgano* на его запястьях создавал плотный защитный барьер, но даже он с трудом справлялся с удушливым ароматом тщеславия, исходящим от его спутников.

— Нет, ну ты представь, — Денис вальяжно откинулся на спинку кресла, шумно отпивая из бокала бургундское *Montrachet*. Его лицо подернулось влажной, маслянистой пленкой от выпитого алкоголя и жирной пищи. — Этот дилер в Дубае мне заявляет: «Спецификация вашего купе задерживается на три месяца из-за логистики кожи». Я ему говорю: «Старик, ты вообще понимаешь, кому ты это лечишь? Я сам держу логистику трети ритейла в России. Если мне нужно, я этот салон из кожи крокодила тебе самолетом через три дня привезу». В итоге они мне еще и скидку в десять процентов сделали, лишь бы я скандал не поднимал.

Денис победоносно обвел взглядом стол, ожидая дежурного восхищения. Его часы *Rolex Daytona* из желтого золота поймали блик от ониксовой стены и на секунду ослепили Алексея.

Алексей смотрел на Дениса сквозь коричневые линзы своих очков *Cartier*. Ему было двадцать пять, и он знал структуру этого бизнеса наизусть. Денис был обычным наемным функционером, чья главная заслуга заключалась в умении вовремя подписывать нужные акты приемки и закрывать глаза на системные откаты. Его дубайское купе, его золотые часы, его пафос — всё это было куплено на грязные, липкие деньги из логистических дыр, которые Алексей при желании мог перекрыть одним аналитическим отчетом своего департамента. Денис не заслуживал этого триумфа. Он был ментальным слизнем, завернутым в кашемир от *Kiton*.

Внутри Алексея, глубоко в грудной клетке, что-то глухо зарычало. Его внутренний мир в этот миг превратился в кричащий холст Фрэнсиса Бэкона. Его ментальный двойник содрал с себя холеную кожу с солярийным загаром, обнажил бледные, острые клыки и исходил бешеной, пенистой яростью. В своих мыслях Алексей уже не сидел в мягком кресле. Он видел, как резко подается вперед, хватая Дениса за жирный затылок и с размаху впечатывает его лицом в эту сланцевую тарелку с тартаром. Он мысленно слышал этот восхитительный, сочный хруст ломающейся переносицы, видел, как брызги крови и лангустиновой эмульсии летят на безупречную рубашку Кирилла. Он хотел сорвать эти золотые *Daytona* с запястья Дениса и с силой затолкнуть их в его открытый, хвастающийся рот, забивая глотку драгоценным металлом, пока тот не задохнется своим собственным фальшивым успехом.

Но снаружи лицо Алексея оставалось гладким и неподвижным, словно высеченным из каррарского мрамора. Губы послушно, с едва заметной, мягкой иронией растянулись в безупречной улыбке топ-менеджера.

— Красивый ход, Денис, — бархатным, глубоким голосом произнес Алексей, делая крошечный глоток воды *Voss*. — Дубайские дилеры понимают только язык силы. Рад, что ты прогнул их под свои стандарты.

— Да ладно тебе, Денис, твоя машина — это просто железо, — вмешался Кирилл, аккуратно поправляя манжет рубашки. Его голос сочился приторным ядом. — Вот мы с Аленой на прошлой неделе взяли лот на закрытом аукционе в Лондоне. Ранний концепт одного немецкого экспрессиониста. Алена как раз искала что-то монументальное для нашей новой гостиной на Остоженке. Когда холст доставили, я понял: искусство — это единственное, что имеет ценность. Всё остальное — суета. Алена, женщина Кирилла, сидевшая напротив Алексея, слегка приподняла подбородок. Её бриллианты от *Messika* замерцали в полумраке ресторана. Но её взгляд был устремлен не на Кирилла, и даже не на свои украшения. Она смотрела прямо на Алексея. Её длинные, тонкие пальцы медленно скользили по ножке бокала с *Dom Pérignon*, а нижняя губа была слегка прикушена. Это был абсолютно неприкрытый, животный сигнал. Она оценивала Алексея как самка оценивает молодого, опасного вожака, который одним движением глаз может раздавить её нынешнего спутника. Она хотела оказаться в его высотке на сорок seventh этаже. Она хотела почувствовать его жесткие, эгоистичные руки на своей талии.

Алексей читал её мысли так же легко, как читал финансовые отчеты. Ему было противно. Эта женщина продавала свою лояльность за квадратные метры на Остоженке и аукционные холсты, но стоило на горизонте появиться более молодому и агрессивному хищнику, как её верность испарялась, оставляя лишь липкую, офисную похоть. Он мысленно поставил на ней жирный крест, добавив в список того самого «расходного материала», который он использует при первой возможности и выбросит на следующее утро без капли сожаления.

— Искусство — это прекрасный способ легализовать избыточную ликвидность, Кирилл, — ледяным тоном отозвался Алексей, даже не посмотрев на Алену, хотя краем глаза зафиксировал, как она разочарованно опустила плечи от его холодности. — Главное, чтобы глубина концепта соответствовала глубине твоего понимания этого искусства. Иначе холст превращается в очень дорогие обои.

Кирилл на секунду завис, его улыбка стала натянутой, как струна. Он почувствовал скрытый, тяжелый удар под дых. Лидерский, грубый характер Алексея не оставлял им пространства для маневра — он доминировал за этим столом, не прилагая к этому никаких видимых усилий.

Душевная накипь внутри Алексея достигла своего предела. Он чувствовал, как эта черная, разъедающая кислота уже подступает к горлу. Ему стало физически тяжело дышать в этом замкнутом пространстве среди этих напыщенных приматов и их фальшивых женщин. Ему нужно было уйти. Нужен был воздух его собственной квартиры, его музыка и его тайный мир, где не было места этому спектаклю.

Алексей плавно поднялся, поправил бархатный блейзер от *Tom Ford* и выложил на стол черную металлическую карту *Centurion*.

— Господа, прошу меня извинить. Завтра в девять утра у меня закрытый комитет по крупному слиянию, нужно просмотреть документы. Ужин за мой счет. Отдыхайте.

Он не стал дожидаться их фальшивых протестов и благодарностей. Алексей развернулся и пошел к выходу из зала. Его шаги по дорожному ковру были бесшумными, но спиной он отчетливо чувствовал, как три пары глаз — завистливые взгляды Дениса и Кирилла и полный липкого вожделения взгляд Алены — провожают его фигуру до самых дверей.

Он вышел на прохладную ночную улицу. Мелкий дождь мгновенно осел каплями на золотой оправе его очков. Валет-парковщик уже гнал к входу его черный *Porsche Taycan*. Алексей вдохнул влажный ночной воздух и мысленно улыбнулся своим внутренним, шакальным оскалом. Впереди была дорога домой, и его ментальный трибунал уже готовил для этих ублюдков приговор.

Тяжелая дверь *Porsche Taycan* захлопнулась с глухим, вакуумным звуком, и мир «Olluso» перестал существовать. Неоновые вывески, фальшивый смех Дениса, липкий взгляд Алены — всё это осталось за толстым двойным стеклом, превратившись в блеклую немую картинку. Алексей бросил черную карту *Centurion* на центральную консоль, где она звякнула о матовый пластик, и несколько секунд просто сидел в темноте, положив руки на руль.

Его пальцы, сжимавшие кожаную оплетку, слегка подрагивали. Это была не усталость — это был избыток той самой черной, ядовитой накипи, которая бурлила внутри весь вечер. Кашемировый блейзер от *Tom Ford* казался сейчас неподъемным, словно средневековая кольчуга, пропитанная чужим потом и чужой ложью.

Он не стал включать музыку сразу. Ему нужен был чистый, незамутненный звук работы собственного разума. Алексей нажал кнопку запуска, электрокар бесшумно ожил, на приборной панели вспыхнули ледяные синие-белые шкалы, и машина плавно выехала с парковки на мокрый ночной проспект.

Сквозь коричневый градиент очков *Cartier* ночной город выглядел как бесконечный склеп. Дождь усилился, тяжелые капли разбивались о лобовое стекло, а дворники методично, с тихим шуршанием смахивали их в темноту. Алексей ехал медленно, сознательно удерживая машину в правом ряду. Его ментальный трибунал открыл свое заседание.

В голове Алексея, за безупречно гладким лбом, развернулась масштабная, детальная панорама уничтожения.

«Денис... — мысленно произнес Алексей, и его губы в темноте салона тронула едва заметная, жестокая ухмылка. — Ничтожный, оплывший жиром логист. Ты думаешь, что твои золотые *Daytona* и выбитая со скандалом скидка на купе в Дубае делают тебя особенным? Ты ведь обычный червь, Денис. Если завтра я подпишу отчет о реструктуризации транспортных хабов, твоя сеть вышвырнет тебя на обочину в течение суток. Ты будешь сидеть в своей кредитной машине, размазывая сопли по рулю, и судорожно обновлять HeadHunter, понимая, что твои навыки стоят ровно ноль без твоего нынешнего кресла. Я сотру твою ухмылку, Денис. Я сделаю так, что ты сам приползешь ко мне в кабинет, застегнутый на все пуговицы, и будешь заглядывать мне в рот, пытаясь угадать, подпишу я твой годовой бонус или оставлю твою семью без копейки на твою гребаную дубайскую кожу».

Алексей перестроился в левый ряд, Таусан послушно и мощно ускорился, колеса мягко шуршали по сырому асфальту. Мысли текли плавно, приобретая хирургическую остроту.

«А Кирилл... Этот комнатный эстет с гиалуроновым лицом. „Искусство — единственная ценность“. Какое убожество. Ты купил этот холст только потому, что твой скудный ум не способен придумать другой способ доказать свою исключительность. Ты боишься показаться пустым, Кирилл. Ты обставляешь свою квартиру на Остоженке чужими смыслами, потому что твоих собственных смыслов едва хватит на то, чтобы заполнить кошачий лоток. И твоя Алена... Она ведь знает, какая ты пустышка. Она сидит рядом с тобой, сверкает своими бриллиантами от *Messika*, но стоит тебе отвернуться — и её взгляд ползет по моим плечам. Она ищет мясо,

Кирилл. Настоящее, агрессивное мясо, которое не будет читать ей лекции о немецком экспрессионизме, а просто возьмет её на этой самой террасе на Остоженке, пока ты будешь на своем закрытом комитете считать копейки. Я раздавлю тебя морально, Кирилл. На следующем общем аудите я вытащу твои скрытые комиссии по лондонским сделкам и покажу их совету. Я хочу видеть, как твое холеное лицо начнет сползать, как уродливая маска, обнажая серый, первобытный страх нищеты».

Алексей почувствовал, как от этих мыслей к горлу подкатывает волна дикого, почти физического удовольствия. Его внутренний шакал сыто урчал. Он не просто завидовал им — нет, зависть слишком слаба. Он презирал их за то, что они имели всё это, будучи ментальными калекками, идиотами, которым просто повезло оказаться в нужный момент в нужной струе. Они не заслужили своего успеха. Ни на один процент.

Машина въехала в подземный паркинг его высотки. Здесь, среди бетона и тусклого люминесцентного света, Таусан Turbo S смотрелся как хищная глубоководная рыба. Алексей заглушил двигатель. В салоне снова воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Он снял очки *Cartier*, бережно положил их в бардачок и посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Фасад был в идеальном порядке. Легкий загар, безупречная линия подбородка, ни единой лишней эмоции на лице. Никто во всем этом чертовом мегаполисе не догадывался, какой ад и какая ледяная ярость бушуют внутри этого 25-летнего управляющего директора.

Он вышел из машины, и эхо его шагов по гранитному полу паркинга прозвучало как выстрел. Ювелирная маска была временно снята. Алексей возвращался в свою крепость, где его ждала настоящая, скрытая от всего мира реальность.

Скоростной лифт поднял его на сорок седьмой этаж за считанные секунды. Когда двери бесшумно разъехались, Алексей шагнул в темноту своей прихожей. Датчики движения мягко среагировали, зажигая рассеянную, теплую подсветку вдоль плинтусов из темного сланца.

Здесь, на высоте птичьего полета, пространство подчинялось только его правилам. Алексей прошел в гостиную. Монументальные панорамные окна открывали вид на ночную Москву, которая отсюда казалась огромной, фосфоресцирующей картой, залитой огнями фар и неонам небоскребов. Город лежал у его ног — покорный, распластаный, задыхающийся в своей собственной суете.

Алексей скинул бархатный блейзер на кресло из черной матовой кожи от *Poltrona Frau* и остался в одной антрацитовый сорочке. Первым делом он подошел к аудиосистеме. На этот раз никакой электроники. Он выбрал винил. Тяжелый, черный диск «*Реквием*» Моцарта в исполнении Берлинского филармонического оркестра лег на проигрыватель. Игла опустилась, и комнату заполнил глубокий, аналоговый, почти осязаемый звук «*Lacrimosa*». Тяжелые хоры и трагические струнные взлетали под пятиметровый потолок, препарируя стерильную тишину квартиры. Алексей закрыл глаза. Вот теперь он дышал. Эта монументальная, академическая музыка возвращала ему внутренний баланс, настраивая его эгоистичный разум на режим абсолютной ясности.

Он прошел на специальный подиум у окна, где лежал плотный каучуковый коврик для йоги. Здесь, под звуки плачущих скрипок Моцарта, Алексей начал свой вечерний комплекс. Его движения были медленными, текучими, но наполненными скрытой, хищной силой.

Асаны сменялись одна за другой: силовые балансы на руках, глубокие растяжки, заставляющие мышцы гореть. После йоги — работа с тяжелым железом. В его приватном спортивном блоке стояли наборные гантели из черной дамаскской стали. Алексей делал жимы и тяги, следя в зеркале за тем, как под матовой, загорелой кожей перекачиваются рельефные жгуты мышц. Каждое повторение было выплеском той злости, которую он накопил в ресторане. Он выжигал из себя Дениса, Кирилла, Влада. С каждым движением его тело становилось жестче, а разум — холоднее.

Закончив тренировку и приняв ледяной душ, который окончательно смыл с него остатки офисного дня, Алексей надел тяжелый халат из черного шелка и сел за свой рабочий стол из цельного куска мореного дуба. На столе лежал массивный дневник в кожаном переплете ручной работы с тиснением в виде древнего уробороса — змея, пожирающего собственный хвост. Алексей открыл чистую страницу и перьевой ручкой *Montblanc* с золотым пером начал писать. Его почерк был острым, угловатым, похожим на хирургические разрезы. Он фиксировал свои мысли, свои наблюдения за человеческой глупостью, препарировав прошедший день с академическим цинизмом. Дневник был его личным трибуналом, где не было места пощаде.

Но музыка, железо и дневник были лишь фасадом его домашней жизни. Главное скрывалось внутри его мощного рабочего компьютера, защищенного тройным контуром шифрования и биометрическими замками. Алексей ввел ключ доступа. На мониторе открылись закрытые интерфейсы, о существовании которых не догадывался никто в его консалтинговой компании.

В свои двадцать пять лет Алексей вел тайную, глубокую жизнь, которая связывала его с изнанкой глобального мироустройства. Его департамент в «Верт & Партнеры» был лишь удобной ширмой, легальным сканером, через который он получал доступ к закрытой информации. Настоящий опыт и настоящую власть он черпал из сотрудничества с теневыми корпорациями, которые управляли миром без лозунгов и фальшивых KPI.

На экране вспыхнули зашифрованные файлы маркетинговых стратегий крупнейших табачных конгломератов. Алексей открыл отчет о продвижении новых систем нагревания табака в странах третьего мира. Ювелирная, циничная работа: теневые маркетологи не продавали продукт — они формировали субкультуру среди подростков через закрытые каналы и инфлюенсеров, создавая пожизненную зависимость у миллионов людей еще до того, как те окончат школу. Это был чистый, математически просчитанный геноцид, завернутый в красивую неоновую обертку. И Алексей помогал им оптимизировать эти потоки данных, изучая, как работает эта безупречная машина по выкачиванию ресурсов из человеческого стада.

Следом шли логистические схемы транспортных компаний, занимающихся контрабандой редкоземельных металлов и компонентов для оружия через порты Западной Африки. Никаких таможенных деклараций — только чистая геополитика, подкупы чиновников на высшем уровне и маршруты, проложенные в обход спутникового наблюдения. Алексей препарировал эти схемы, впитывая опыт реального управления миром. Здесь не было места разговорам о «синергии», как у Дениса. Здесь была чистая сила, логика и кровь.

Но самый мрачный сектор его тайной деятельности был связан с закрытыми порно-корпорациями, работавшими в даркнете. Это были не банальные сайты, а транснациональные синдикаты с миллиардными оборотами. Алексей изучал их аналитику: как их скауты ювелирно, с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, находили на улицах крупных городов или в социальных сетях «расходный материал» — молодых, запутавшихся, сломленных

девушек с психологическими травмами и долгами. Как эти корпорации просчитывали их поведенческие паттерны, мягко ломали их волю, превращая в идеальный, безликий продукт для закрытых платных трансляций. Это была высшая форма социального дарвинизма, где человеческая жизнь раскладывалась на конверсию, удержание внимания и чистую прибыль.

Алексей смотрел на эти графики, и его глаза блеснули в темноте комнаты. Он впитывал этот опыт, как губка. Он видел, как устроен этот мир на самом деле — без глянца, без фальшивых улыбок Кристины, без глупого хвастовства Марка или Кирилла. Мир был огромной, жестокой мясорубкой, где сильные пожирали слабых, а самые умные — управляли этим процессом из темноты.

Он закрыл ноутбук, откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. Музыка Моцарта стихла, оставив лишь легкое потрескивание виниловой пластинки. Алексей чувствовал, как внутри него наступает абсолютный, ледяной покой. Он был готов. Он знал механизмы этой вселенной слишком хорошо. Душевная накипь и злость никуда не исчезли — они просто спрессовались в тяжелый, монолитный заряд, который ждал своего часа. И этот час был уже близко.

Сон Алексея длился ровно четыре часа. Это был не освежающий, глубокий отдых, а тяжелый, рванный анабиоз, наполненный математически выверенными кошмарами. Ему снились бесконечные ряды серых, лишенных лиц людей, которые стояли на конвейерной ленте и медленно двигались в огромный, хромированный шредер, пока на заднем плане в исполнении детского хора звучала «Lacrimosa» Моцарта, перегруженная грязным, вибрирующим басом. Каждый раз, когда лента ускорялась, Алексей просыпался от короткого, резкого испуга, чувствуя, как сердце колотится о ребра, словно запертая в клетке птица.

В 6:30 звук *Bang & Olufsen* оборвал этот морок. Сегодня из динамиков пошел холодный, индустриальный ритм *минимал-техно*.

Алексей сел на кровати, чувствуя во рту сухой, металлический привкус. Его эгоистичная натура мгновенно подавила остатки ночного страха, превратив их в ледяную, концентрированную агрессию. Он подошел к панорамному окну. Москва за стеклом была затянута плотным, грязно-желтым смогом. Город выглядел как гигантский, полудохлый организм, который судорожно пытался сделать первый утренний вдох сквозь фильтры выхлопных газов.

— Ублюдки, — тихо, одними губами произнес Алексей, глядя на едва заметные фигурки людей, высыпавших из дверей метро далеко внизу. — Вы заслужили этот воздух. Вы заслужили каждую каплю этого яда.

Начался утренний ритуал детокса. Маниакальное внимание к внешнему виду требовало стереть любые следы ночной работы с теневыми файлами. Алексей прошел в ванную, включил ледяную воду и несколько минут просто держал под ней лицо, чувствуя, как холод буквально замораживает его мимические мышцы, превращая лицо в неподвижную маску.

Затем — очищающая пенка от *SkinCeuticals*, тоник с салициловой кислотой, чтобы убрать малейший намек на жирный блеск, и плотная тканевая маска с охлаждающим эффектом. Пока маска стягивала кожу, Алексей стоял перед зеркалом, напоминая себе дорогой, безупречно сконструированный манекен. Никто в офисе не должен был увидеть в его глазах даже тень той душевной накипи, которая выжигала его изнутри. Он нанес плотный слой увлажняющего геля

от *Tom Ford Research* и завершил процесс легким массажем кварцевым роллером. Кожа ответила идеальной, матовой гладкостью и легким румянцем поверх средиземноморского загара.

В гардеробной его ждала новая броня. Алексей выбрал костюм от *Brioni* — графитового, почти черного цвета, сорочку из египетского хлопка *fili-a-fili* ледяного белого оттенка и тонкий галстук из матового шелка. На этот раз на запястье легли *Audemars Piguet Royal Oak* из белого золота с серым циферблатом — тонкий, но безжалостный ответ вчерашним часам Дениса. Если тот ублюдок сегодня попадется ему на глаза, он должен был с одного взгляда понять, кто здесь настоящий хищник.

Парфюм — *Tuscan Leather* от *Tom Ford*. Горький, жесткий запах дорогой кожи, березового дегтя и сухой малины. Аромат, который не оставляет пространства для компромиссов.

Алексей надел свои очки *Cartier* в тяжелой золотой оправе, взял со стола кожаную папку с аналитикой и вышел к лифту. Наушники уже транслировали в его череп тяжелые, академические струнные пассажи *Вивальди* в обработке Макса Рихтера. Музыка настраивала его лидерский разум на рабочий лад, превращая его в идеальную боевую машину. Сквозь коричневые линзы очков мир казался стерильным и готовым к демонтажу.

Заход в башню «Эмпайр» прошел по каноническому сценарию. Алексей шел по сорок первому этажу, и плотный шлейф его парфюма буквально разрезал воздух опенсейса. Сотрудники утыкались в свои мониторы, едва его фигура появлялась в поле зрения. Его грубый, напористый характер заставлял людей сжиматься на подсознательном уровне.

У дверей его кабинета уже стояла Кристина. Сегодня она выглядела особенно жалко: бледная, с размазанной тушью под глазами и легкой дрожью в пальцах, державших планшет. Алексей окинул её ледяным взглядом сквозь очки *Cartier*, подмечая каждую деталь — от дешевых туфель на стоптанном каблуке до фальшивого кольца на безымянном пальце.

— Алексей Игоревич, там... Влад просил передать, что отчет по волатильности фрахта готов. Он на вашем столе. И еще... Марк просил согласовать его отпуск на август, — её голос слегка прерывался.

Алексей остановился, плавно повернул голову к ней, не снимая очков. Внутри него, под кашемиром *Brioni*, его внутреннее существо снова оскалилось. Ему хотелось схватить этот планшет и с силой загнать его Кристине в зубы, чтобы она раз и навсегда забыла этот рабский, заискивающий тон. Ему хотелось, чтобы она испытала ту же острую, режущую боль, которую он сам носил в себе каждый день.

— Кристина, — произнес он ровным, бархатным, но пугающе тихим голосом. — Отпуск Марка меня не интересует. Если он хочет отдыхать, пусть пишет заявление на увольнение. А отчет Влада... Скажи этому борову, что если там будет хоть одна системная ошибка, в августе искать новую работу будет уже он сам. Свободна.

Кристина сглотнула, испуганно кивнула и буквально испарилась в коридоре. Алексей зашел в кабинет и плотно закрыл за собой тяжелую дубовую дверь.

Он сел в кресло, бросил папку на стол и на секунду прикрыл глаза. Внутреннее давление росло с каждой минутой. Душевная накипь, эти тонны цинизма, пренебрежения к успешным

идиотам вроде Влада и Марка, знание грязных механизмов порно-корпораций и контрабанды — всё это спрессовывалось внутри его сознания в монолитный, взрывоопасный блок. Маска идеального топ-менеджера уже начинала трещать по швам от этого напряжения. Ему нужен был выход. Радикальный, жесткий выход, который сорвет эту навязанную социальную мораль и фальшивый блеск.

Алексей открыл нижний ящик своего стола, защищенный кодовым замком. Там, среди чистых бланков строгой отчетности и золотых перьев, лежала маленькая, матовая черная капсула без единой надписи.

«Контракт-9».

Он смотрел на неё сквозь золотые дужки очков Cartier, и его внутренний шакал впервые за это утро сыто, предвкушающе зарычал. Часы на приборной панели показывали 9:45. До начала общего стратегического комитета оставалось пятнадцать минут. Самое время изменить правила этой игры.

Четверг — идеальный день для того, чтобы плюнуть на корпоративный протокол. Когда ты занимаешь пост управляющего директора в двадцать пять лет и замыкаешь на себе ключевые теневые потоки, ты сам определяешь, когда у тебя выходной. Алексей оставил капсулу K9 в сейфе кабинета, запер дверь и просто уехал посреди рабочего дня. Офисный муравейник остался копошиться в своих бессмысленных дедлайнах, а его *Porsche Taycan* уже плавно шуршал колесами по брусчатке в районе Петровки.

Погода наконец-то смиростивилась: смог рассеялся, и блеклое июньское солнце красиво отражалось в безупречно отполированном черном капоте машины. Алексей опустил боковое стекло, впуская в салон прохладный воздух, смешанный с ароматом дорогого парфюма, доносившимся от дверей элитных отелей. На нем были новые очки *Cartier* — платиновая оправа, линзы с легким дымчатым переходом. Мир сквозь них выглядел контрастным и дорогим.

Он припарковался у закрытого бутика *Brunello Cucinelli*. Визит Алексея был согласован заранее. Как только его высокая, подтянутая фигура пересекла порог, тяжелые стеклянные двери отсекали шум улицы, и Алексей погрузился в оазис тишины, пахнувший безупречно выделанной замшей, кашемиром и легким кондиционированным мускусом.

— Алексей Игоревич, добрый день. Мы вас ждали. Чай, кофе, возможно, что-то покрепче? — директор бутика, мужчина средних лет с благородной сединой и в безупречно сидящем костюме, склонил голову в поклоне, который балансировал на грани искреннего уважения и рабского подострастия перед лимитом карты своего клиента.

— Воду, без газа. И принесите то пальто из новой зимней пре-коллекции, о котором мы говорили, — сухо бросил Алексей, проходя в приватную VIP-зону с глубокими креслами из светлой кожи.

Он сел, закинув ногу на ногу, и лениво окинул взглядом пространство. Шопинг для Алексея не был радостью. Это был терапевтический демонтаж душевной накипи. Вещи для него были осязаемыми доказательствами его превосходства над серой массой. Пока обычные люди копили месяцами на базовую куртку из масс-маркета, Алексей выбирал ткани, которые создавались вручную на закрытых мануфактурах в Умбрии.

Консультант в белых перчатках бережно вынес длинное двубортное пальто из стопроцентного кашемира цвета «викунья» — редчайшего, теплого золотисто-песочного оттенка. Алексей поднялся и подошел к ростовому зеркалу. Он снял блейзер и позволил консультанту набросить пальто на свои плечи. Ткань оказалась невесомой, но при этом плотной, словно вторая кожа. Кашемир мягко обнял его спортивную фигуру, подчеркивая ширину плеч и идеальную осанку, выработанную часами вечерней йоги.

Алексей провел ладонью по лацкану. Шелковистый ворс лег под пальцами с едва слышным шуршанием. В брендах он видел не просто логотипы — он видел философию контроля.

«Это и есть настоящая броня, — мысленно рассуждал Алексей, глядя на свое отражение сквозь дымчатые стекла очков. — Денис из логистики никогда не поймет, почему это пальто стоит как половина его кредитного Porsche. Он покупает кричащий логотип, чтобы компенсировать свою внутреннюю пустоту. Я же покупаю тактильное превосходство. Ткань, к которой приятно прикасаться. Крой, который заставляет персонал этого бутика задерживать дыхание, пока я стою перед зеркалом».

— Оставляем, — коротко произнес Алексей, даже не спрашивая цену. Он знал, что сумма с шестью нулями спишется с его карты *Centurion* за долю секунды, не оставив даже вмятины на его банковском счете. — И подберите к нему пару кашемировых пуловеров оттенка графита и овсянки. Доставьте всё в мою высотку к восьми вечера.

— Будет сделано в лучшем виде, Алексей Игоревич, — директор бутика лично принял карту из его рук, едва ли не светясь от счастья.

Алексей вернулся в кресло и сделал глоток ледяной воды. Его внутренний шакал на какое-то время затих, удовлетворенный этой порцией материального допинга. Внешний облик был доведен до абсолютного совершенства, легкий средиземноморский загар идеально гармонировал с цветом нового кашемира. Алексей чувствовал, как по венам разливается приятная, ленивая уверенность хищника, который сыт, ухожен и готов к началу ночной охоты.

Впереди был вечер, плавно переходящий в ночь. Пятница приближалась, а вместе с ней — закрытые клубы, элитный алкоголь, женское обожание и та самая заветная черная капсула K9, которая уже ждала своего часа, чтобы сорвать с этой безупречной жизни последние тормоза.

Пятничный вечер в закрытом клубе-ресторане «*Синдикат*» пах тяжелым парфюмом, растопленным воском метровых свечей и тем особым, едва уловимым ароматом больших денег, который появляется там, где собираются люди, уставшие от легальных способов обогащения. Вход сюда был доступен только по биометрическим картам и личным рекомендациям членов закрытого совета. Здесь не было случайных блогеров, навязчивой прессы или кричащих неоновых вывесок. Пространство было утоплено в благородном полумраке: стены из матового черного гранита, столы из окаменелого дерева, которому было несколько миллионов лет, и приглушенный, глубокий саунд от диджея, прилетевшего утренним рейсом из Берлина.

Алексей сидел за угловым столом на кожаном диване, лениво катая в бокале двадцатипятилетний виски *Macallan*. На нем был тот самый антрацитовый кашемировый пуловер от *Cucinelli*, купленный накануне. Ткань идеально сидела на его рельефном теле, выгодно подчер-

кивая загар и безупречную линию шеи. На переносице оставались очки *Cartier* с дымчатыми линзами — его личное забрало, сквозь которое он препарировал публику.

Его эгоистичный, напористый ум работал в режиме сканера. Алексей смотрел на мужчин за соседними столами — сорокалетних банкиров с намечающимися животами, девелоперов, чьи лица лоснились от пафоса, и молодых стартаперов, пытавшихся казаться своими. Он презирал их всех. Они казались ему временными жильцами в этом мире роскоши, глупыми исполнителями, которые тратили свои жизни на ублажение собственных страхов.

Но главным украшением этого вечера была охота. Женское внимание окружало Алексея плотным, осязаемым кольцом с того самого момента, как он переступил порог. В свои двадцать пять он был слишком идеален: опасная хищная грация, холодный лидерский взгляд, статус топ-менеджера и холеное, смоделированное массажами лицо. Офисные девочки из его башни остались в прошлом — здесь, в «*Синдикате*», плавали рыбы совсем другого масштаба. Дочери министров, успешные галеристки, топ-модели из международных агентств. Все они маскировали свой интерес под равнодушие, но Алексей видел, как их зрачки расширялись, когда его взгляд лениво скользил по залу.

Его выбор пал на Ирину. Ей было около двадцати четырех. Дочь крупного подрядчика транспортных узлов, девушка со сложными, аристократичными чертами лица, безупречными винирами и точеной фигурой, затянутой в шелковое платье-комбинацию от *Saint Laurent* цвета мокрого асфальта. На её тонком запястье тонко поблескивал браслет *Cartier Love* из белого золота с бриллиантами. Она сидела в компании подруг, но последние полчаса её бокал с шампанским *Krug* двигался исключительно в такт движениям Алексея.

Алексей не стал играть в долгие прелюдии. Его характер не терпел суеты. Он просто поднял бокал, зафиксировал её взгляд сквозь дымчатое стекло своих очков и едва заметно кивнул, указывая на свободное место рядом с собой.

Через две минуты Ирина уже сидела на его диване. От неё пахло дорогим пудровым парфюмом от *Byredo* и едва уловимым ароматом цитрусового коктейля.

— Привет. Мне сказали, ты не любишь знакомиться, — Ирина слегка приподняла безупречно очерченную бровь, пытаясь удержать маску светской львицы. Ее голос был мягким, с легкой, отрепетированной хрипотцой.

— Я не знаколюсь, Ирина. Я выбираю, — сухо, ровным и доминантным тоном ответил Алексей, даже не повернув к ней головы. Он продолжал смотреть на зал. — Твой отец на следующей неделе закрывает тендер по логистическому терминалу на севере. Если ты пришла сюда читать мне лекции о своей независимости или выставках современного искусства, то ты теряешь мое время. Ирина на секунду зависла. Ее фальшивая, светская уверенность дала глубокую трещину. На лице промелькнул короткий испуг перед жестким, напористым напором этого 25-летнего парня, который читал её жизнь как открытую книгу. Но этот страх мгновенно перерос в дикое, животное вожделение. Женщины её круга привыкли к пресмыкающимся мужчинам, готовым часами оплачивать их капризы. Алексей же разговаривал с ней как хозяин с породистым щенком. Это ломало её социальные скрипты, возбуждая до предела.

— Ты грубый, — тихо произнесла она, но её пальцы уже сознательно опустились на его колено, слегка сжав плотный кашемир брюк. Глаза блестели в полумраке, нижняя губа была прикушена. — Мне это нравится. Куда мы поедем?

— В мою высотку. И у тебя ровно десять минут, чтобы допить свое шампанское, — Алексей наконец повернулся к ней, его губы растянулись в той самой ледяной, аристократической улыбке, за которой прятался внутренний шакалий оскал.

Она была идеальным расходным материалом на эту ночь. Красивая, дорогая, глупая. Он использует её тело, чтобы сбросить излишки дневной агрессии, а завтра утром её имя сотрется из его памяти, как кэш в браузере.

В три часа ночи спальня на сорок седьмом этаже была залита густым, зловещим фиолетовым неоном от скрытых подсветок. За панорамными окнами бушевала гроза — тяжелые молнии разрезали ночное небо Москвы, на долю секунды озаряя строгий интерьер из черного дуба и микроцемента. Из динамиков *Bang & Olufsen* на этот раз на полную громкость валил грязный, гипнотический *дарк-техно* трек от *Amelie Lens*. Тяжелая бочка била прямо в грудную клетку, резонируя со стеклами и заставляя воздух вибрировать.

Алексей стоял у барной стойки в одном черном шелковом халате, накинутом на голое тело. Его загар под неоном казался почти бронзовым. Ирина лежала на огромной кровати посреди комнаты. Шёлковое платье *Saint Laurent* давно валялось на полу, превратившись в бесформенную тряпку. Она была полностью обнажена — идеальное, точеное тело с гладкой кожей, тяжелая грудь, узкая талия. Она смотрела на Алексея затуманенным, полным покорности и желания взглядом, её дыхание было рваным, а пальцы судорожно сжимали простыни из египетского хлопка. Она ждала его. Но Алексей медлил. Ему нужен был другой уровень восприятия.

Он открыл потайной ящик, достал матовую черную капсулу и положил её на язык. **«Контракт-9»**.

Девятка подействовала через пять минут, прямо под тяжелый дроп трека. По затылку Алексея ударил ледяной, звенящий разряд. Мир вокруг потерял свои фальшивые очертания. Страх, навязанная мораль, границы дозволенного — всё это мгновенно испарилось, выжженное химическим составом. Вещество включило его лидерский эгоизм и лингвистический гений на абсолютный максимум. Он посмотрел на Ирину сквозь призму K9. Она больше не была дочерью подрядчика. Она была просто плотью. Красивым, податливым пластилином в его руках.

Алексей медленно подошел к кровати. Его халат скользнул на пол, обнажая подтянутое, мускулистое тело. В его глазах не было нежности — там горел чистый, первобытный инстинкт доминирования, смешанный с абсолютным хладнокровием.

— Ты хочешь чувствовать себя особенной, Ирина? — его голос под действием K9 стал глубже, бархатнее, он буквально гипнотизировал, перекрывая грохот техно. Алексей сел на край кровати, его жесткая ладонь грубо легла на её шею, слегка прижимая к матрасу. — Но правда в том, что ты ничто. Твоя ценность заканчивается там, где заканчиваются счета твоего отца. Ты пришла сюда, чтобы получить иллюзию власти, но прямо сейчас я заберу у тебя всё.

Твои манеры, твою гордость, твой пафос. Останется только чистая, животная покорность. Ты будешь делать то, что я скажу. От души. Без фильтров.

Ирина судорожно вздохнула, её глаза расширились от смеси острого испуга перед его жестоким цинизмом и запредельного, экстазийного возбуждения. Химическая аура Алексея буквально подавляла её волю.

— Да... Делай со мной всё, что хочешь, — прошептала она, выгибая спину навстречу его рукам.

Дальнейшее превратилось в висцеральный, грязный и запредельно искренний акт плотского безумия, лишенный каких-либо социальных условностей. К9 стер грань фальши. Алексей действовал жестко, эгоистично, забирая её тело так, словно завоевывал новую территорию. Его движения были точными, сильными, подчиненными ритму тяжелого берлинского техно. Он переворачивал её, заставлял принимать самые откровенные и подчиненные позы, полностью контролируя каждый её вздох, каждый стон.

Под действием вещества его тактильные ощущения обострились до предела: он чувствовал под своими пальцами малейшее движение её мышц, жар её кожи, влажность её губ. Это был чистый секс аффекта — без фальшивых нежностей, без глупых слов о любви. Ирина кричала, теряя остатки светского лоска, её безупречная прическа растрепалась, виниры блестели под фиолетовым неоном, пока за окном молнии раскалывали ночное небо над мегаполисом. Алексей доводил её до оргазма снова и снова, не давая передышки, упиваясь своей абсолютной, безграничной властью над этим живым, стонущим расходным материалом.

Когда всё закончилось, на часах было 4:30 утра. Трек стих, сменившись тяжелым шумом дождя за стеклом. Алексей лежал на спине, его дыхание было ровным, а по венам всё еще циркулировали остатки К9, даря его разуму кристальную, звенящую пустоту. Ирина спала рядом, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в его плечо. На её шее остались легкие красные следы от его жестких пальцев.

Алексей аккуратно убрал её руку со своей груди, поднялся и подошел к окну. Он стоял полностью обнаженным перед спящим городом. Действие капсулы медленно шло на спад, оставляя после себя глубокий экзистенциальный покой. Он снова победил. Он взял от этой ночи всё, что хотел — материальное золото, лучшее тело, чистый химический трип. Его внутренний шакал сыто спал, свернувшись в клубок вокруг его сердца. Книга его лучшей жизни писалась идеальными, монументальными мазками, и Алексей знал, что это только начало его великого и страшного восхождения над этой серой человеческой массой.

Мы расписали этот блок максимально плотно, структурно и без спешки. Двигаемся дальше? Что ждет Алексея на следующее утро — визит на закрытую встречу теневого табачного синдиката или возвращение в душный офис для продолжения морального демонтажа коллег?

Субботнее утро встретило Алексея идеальным штилем. Ирина была эвакуирована из квартиры еще в семь утра — короткий звонок персональному водителю, сухой поцелуй в холодную щеку и захлопнувшаяся дверь лифта. Никаких записок, никаких обещаний. Настоящий хищник не оставляет следов на своей территории.

В одиннадцать часов дня *Porsche Taycan* уже летел по перекрытому Новорижскому шоссе в сторону закрытого подмосковного поселка, спрятанного в вековых сосновых лесах за трехметровыми глухими заборами. На Алексее был безупречный летний костюм-тройка от *Loro Piana* из тончайшей шерсти с добавлением шелка оттенка высушенного шалфея, белоснежная рубашка без галстука с расстегнутым воротом и те самые платиновые очки *Cartier*. На этот раз К9 не требовался — его разум после ночного трипа был чист, как хирургический скальпель. Ему предстояло войти в пространство, где вершились судьбы миллионов, и здесь нужно было обладать абсолютной, трезвой концентрацией.

Место встречи называлось «Резиденция Бор». Официально — закрытый ведомственный санаторий, не числящийся ни в одном открытом реестре. Фактически — уединенный хаб для неофициальных съездов высшего эшелона власти и теневого бизнеса.

Пройдя три контура военизированной охраны, где офицеры ФСО в штатском сканировали не документы, а сетчатку глаза и биометрические чипы автомобилей, Алексей вышел на монументальную террасу из колотого сибирского гранита. Терраса обрывалась крутым склоном к реке, а вокруг, в тени столетних сосен, прогуливались те, чьи имена никогда не появлялись в прессе, но чьи подписи приводили в движение армии, министерства и транснациональные финансовые потоки.

Алексей взял с подноса официанта бокал коллекционного *Château Pétrus* и лениво окинул взглядом собравшихся. Его лидерский, эгоистичный ум мгновенно зафиксировал структуру этого теневого конклава. Здесь не было случайных людей. Это была верхушка пищевой цепочки, истинные операторы человеческого стада.

В углу террасы, у массивного камина из дикого камня, стоял генерал-полковник Ковалев — руководитель одного из ключевых силовых ведомств страны. Крупный, широкоплечий мужчина с тяжелым взглядом из-под седых бровей, одетый в дорогой, но нарочито простой гражданский костюм. Рядом с ним стоял министр цифрового развития и транспорта — молодой, подтянутый технократ с часами *Patek Philippe* за полмиллиона долларов. Они не стеснялись. Они говорили открыто, зная, что периметр заблокирован глушилками частот военного образца.

— Ты мне брось эти сказки про дефицит полупроводников, — донесся до Алексея тяжелый, прокуренный бас генерала Ковалева. Он лениво откусил кусок стейка из мраморной говядины. — На границе в Забайкальске тридцать фур с китайскими чипами стоят без досмотра по моему спецталону. Твоя задача — запустить систему тотального биометрического трекинга в южных регионах до конца квартала. Людям нужно дать понять: каждый их шаг оцифрован. Когда скот знает, что загон под напряжением, он реже дергается. А логистику мы прикроем по линии ведомства, комар носа не подточит.

— Георгий Васильевич, всё сделаем, — подобострастно кивнул министр, аккуратно поправляя очки. — Программное обеспечение готово, алгоритмы социального скоринга протестированы. Мы вшиваем их в обязательные обновления государственных сервисов. Через полгода гражданин без цифрового ID не сможет даже пачку сигарет купить. Мы полностью закроем теневой оборот и возьмем под контроль их потребительское поведение.

Алексей едва заметно улыбнулся, проходя мимо них. Этот циничный, математически выверенный фашизм высшего уровня вызывал у него глубокое интеллектуальное удовлетво-

рение. Это был мир без иллюзий. Мир, где сильные открыто обсуждали параметры загона для слабых.

Чуть дальше, у перил террасы, расположилась группа сотрудников ключевых министерств и надзорных органов. Они стояли плотным кольцом, обмениваясь короткими репликами и по-хозяйски похлопывая друг друга по плечам. Это была каста неприкасаемых — круговая порука, скрепленная миллиардными бюджетами и общими тайнами. Они прикрывали друг друга без лишней скромности, распределяя квоты на недра, землю и человеческие ресурсы.

— Алексей! — раздался сзади знакомый, уверенный и глубокий голос.

Алексей обернулся. К нему шел Дмитрий Воронцов — один из самых молодых и влиятельных сенаторов, член закрытого комитета по стратегическому планированию и безопасности, а по совместительству — единственный человек в этих кругах, которого Алексей мог назвать если не другом, то равным по духу партнером. Дмитрию было тридцать два. Высокий, с безупречной голливудской улыбкой, в кастомном костюме от *Tom Ford* и часах *Richard Mille*, он сочетал в себе лоск западного дипломата и абсолютную, ледяную безжалостность восточного деспота.

Они обменялись крепким, коротким рукопожатием.

— Прекрасно выглядишь, Леш. Как всегда, словно только что с обложки *GQ*, — Дмитрий улыбнулся, но его серые глаза оставались холодными и оценивающими.

— Твоими молитвами, Дима. Вижу, у вас тут намечается глобальный передел рынка контроля, — Алексей указал глазами на генерала Ковалева.

Воронцов сделал глоток виски и увлек Алексея вглубь сосновой аллеи, подальше от основной массы гостей. Здесь, среди шума вековых деревьев, их разговор приобрел совершенно иной, монументальный статус.

— Этот старый пес Ковалев мыслит категориями прошлого века — заборы, вышки, спецталоны, — тихо, но веско произнес Дмитрий. — Он не понимает, что настоящая власть сегодня — это не автоматы. Это контроль над дефицитом и человеческими зависимостями. Мы сейчас готовим проект, который изменит всю архитектуру теневых потоков в Евразии. И я хочу, чтобы ты вошел в этот проект со своими аналитическими мощностями «Верт & Партнеры».

Алексей остановился, зафиксировав взгляд на лице сенатора сквозь свои очки *Cartier*. Его внутренний хищник предвкушающе замер. Это был тот самый шанс выйти на уровень глобального теневого бизнеса, о котором он думал ночами в своей высотке.

— Каковы параметры, Дима? Говори прямо, здесь нет лишних ушей.

— Мы берем под полный контроль серый импорт фармацевтических субстанций и новых химических соединений через порты Каспия, — Воронцов подошел ближе, его голос упал до шепота, но в нем звенела сталь. — Официально это пойдет как государственная программа импортозамещения лекарств. Фактически — мы создаем монополию на распределение сырья для всей подпольной индустрии развлечений и стимуляторов в СНГ. Ковалев дает силовое прикрытие и чистые коридоры на таможне. Мои люди в министерстве обеспечивают лицензи-

рование. Но нам нужна ювелирная, циничная логистическая матрица и финансовые шлюзы в офшорах, которые невозможно отследить через стандартные системы мониторинга. Твоя контора — идеальная ширма. Ты будешь видеть все потоки данных, калибровать маржинальность и управлять распределением.

Алексей молчал несколько секунд, препарируя предложение Дмитрия. Это было масштабно. Это был чистый, кристальный социальный дарвинизм в действии — управлять зависимостями миллионов людей, оставаясь в абсолютной тени, под защитой генеральских погон и сенаторских мандатов.

— Это миллиардный оборот в месяц, Дима, — ровным, бархатным голосом произнес Алексей, и его губы тронула та самая опасная, лидерская улыбка. — И риски здесь соответствующие. Если Ковалев решит соскочить или сменится конъюнктура в Кремле...

— Ковалев не соскочит, он повязан с нами по самые гланды еще со времен приватизации портовых терминалов, — жестко отрезал Воронцов. — А конъюнктуру в Кремле пишем мы сами, Леш. Посмотри вокруг. Те, кто сидит на этой террасе, и есть это государство. Мы диктуем им, как жить, что покупать, от чего умирать и во что верить. Мы — архитекторы этого загона. И я предлагаю тебе стать совладельцем этого архитектурного бюро.

Алексей допил свой *Château Pétrus* и бросил пустой бокал на траву под сосной. Стекло глухо звякнуло, но не разбилось. В его глазах вспыхнул ледяной, яростный огонь абсолютного превосходства. Его тайный мир, его амбиции и его эгоистичная натура требовали этого масштаба.

— Я в деле, Дима, — тихо, но с пугающей уверенностью ответил Алексей. — В понедельник в девять утра мои аналитики начнут разворачивать теневой контур для первой партии субстанций. Мы сделаем эту машину идеальной.

— Я и не сомневался в тебе, — Дмитрий довольно похлопал его по плечу. — Ну а теперь пойдем обратно. Там привезли свежих девочек из элитных эскорт-агентств Парижа и Милана для наших генералов. Самое время расслабиться и посмотреть, как великие мужи государства теряют человеческий облик под действием хорошего алкоголя.

Алексей шел обратно к террасе, и его шаги по граниту были бесшумными и уверенными. Он смотрел на этот теневой мир, на этих погрязших в роскоши и власти людей, и чувствовал, как внутри него запускается новая, необратимая вереница событий. Он больше не был просто топ-менеджером. Он становился полноценным хозяином этой порочной, циничной реальности.

К пяти часам вечера ретрит в «Бору» окончательно утратил остатки парадного лоска, превратившись в элитный загон для пресыщенных хищников. На широких диванах уличных веранд, под сенью сосен, государственные мужи и хозяева теневых монополий медленно погружались в тяжелую, алкогольную нирвану. Генерал-полковник Ковалев, сбросив кашемировый пиджак, сидел в расстегнутой на груди сорочке. Его массивную, покрытую седыми волосами руку лениво и покорно гладила молодая итальянка — одна из тех, кого Дмитрий Воронцов выписал утренним чартером из Милана. Девушка профессионально улыбалась, но в её глазах, подернутых слоем дорогого макияжа, застыл первобытный страх перед этим тяжелым, пахнущим властью и стареющим телом силовика.

Алексей наблюдал за этой сценой, стоя чуть поодаль у кромки гранитного бассейна. В его руке был свежий бокал ледяного *Krug*, но он едва прикоснулся к нему. Его эгоистичный, хирургический разум, подпитанный масштабным соглашением с Дмитрием, работал на максимальных оборотах. Он считывал этот социальный стриптиз элиты с глубоким, почти безгловым цинизмом.

«Вот она, верхушка империи, — мысленно произнес Алексей, фиксируя взгляд на оплывшем лице генерала сквозь дымчатые линзы *Cartier*. — Вершители судеб, архитекторы тотального контроля. Стоит убрать из уравнения их мандаты, погоны и миллиардные бюджеты — и останется лишь куча стареющего, похотливого мяса, нуждающегося в суррогатной любви иностранных эскортниц. Они думают, что управляют системой, но они лишь её самые сытые рабы. Я построю для Воронцова эту каспийскую логистическую матрицу, я всосу каждый цент из их серого импорта, но я никогда не стану такими, как они. Мой контроль будет стерильным. Моя власть будет не в погонах, а в коде, алгоритмах и знании их собственных грязных секретов».

Дмитрий Воронцов появился рядом бесшумно, словно сотканный из прохладного воздуха соснового леса. Он уже сменил туфли на легкие замшевые лоферы, а в его пальцах дымились тонкая кубинская сигара *Cohiba Behike*.

— Вижу, ты не разделяешь всеобщего восторга от миланского десанта, Леш? — Дмитрий затаился, выпуская сизый, ароматный дым в сторону бассейна. — Посмотри на ту, что в белом шелке у барной стойки. Франческа. Личный контракт, никаких агентств. Чистая генетика, подиумный шаг. Я могу распорядиться, чтобы её перевезли в твою высотку к вечеру.

Алексей плавно повернул голову к сенатору. Его лицо оставалось гладким, застывшим в маске каррарского мрамора.

— Спасибо, Дима, но я предпочитаю несмешанные субстанции. Франческа прекрасна, но сегодня мой мозг занят архитектурой нашей каспийской схемы. Женское тело — хороший стимулятор, но миллиардный поток чистых химических субстанций возбуждает меня гораздо сильнее.

Воронцов коротко, искренне рассмеялся, оценив лидерский характер и холодный напор своего партнера.

— Именно поэтому я и выбрал тебя, Алексей. У всех этих боровов, — Дмитрий кивнул в сторону Ковалева, — есть предел насыщения. Им нужны бабы, цапки, новые виллы в Тоскане, которые они оформляют на подставных лиц. У тебя этого предела нет. Ты голоден до самой структуры власти. Это редкое качество. Запомни: в понедельник в десять вечера в закрытом клубе «Infraspace» будет первая презентация новой партии К9 для узкого круга дистрибьюторов. Там будут люди, которые будут развозить наш продукт по регионам. Я хочу, чтобы ты посмотрел на эту сеть изнутри.

— Буду вовремя, — сухо ответил Алексей, и его внутренний шакал предвкушающе шевельнулся в глубине грудной клетки. — Пришли мне зашифрованный тайм-код.

Обратная дорога в Москву напоминала полет в черную дыру. Неоновые дуги МКАДа разрезали сумерки, а *Porsche Taycan* летел по левой полосе со скоростью, близкой к критиче-

ской. Алексей выключил всю музыку. В салоне стояла звенящая, вакуумная тишина, нарушаемая лишь глухим шуршанием широких спортивных шин по асфальту.

Он чувствовал, как внутри него спрессовывается колоссальный объем энергии. Вереница событий последних дней — от унижения Дениса и Кирилла в ресторане до ночного безумия с Ириной и сегодняшнего теневого заговора с первыми лицами государства — выстроилась в четкую, монументальную прямую. Маска управляющего директора «Верт & Партнеры» стала для него слишком тесной. Он перерос этот уровень. Впереди брезжил настоящий, темный океан безграничной власти, где он будет диктовать условия тем, кто диктует их всей стране.

Машина въехала в подземный паркинг «Сити». Алексей поднялся на сорок седьмой этаж, зашел в квартиру и сразу сбросил костюм от *Loro Piana*. Он остался в одних черных шелковых брюках.

Ему нужен был детокс перед главным штормом. Он прошел в спортивный блок, включил ледяной душ и встал под жесткие струи воды, чувствуя, как холод смывает с его кожи запах генеральского стейка, сигарного дыма Воронцова и элитного парфюма миланских эскортниц. Он очищал свое тело, превращая его в идеальный, матовый инструмент для будущих свершений.

Выйдя из ванной, Алексей подошел к рабочему столу из мореного дуба. Внутреннее давление требовало выхода. Он открыл потайной сейф с кодовым замком. Внутри, в специальном бархатном ложементе, ровными рядами лежали матовые черные капсулы «Контракта-9». Рядом покоился массивный дневник с уроборосом на обложке.

Алексей взял перьевую ручку *Montblanc* и быстрым, хирургически острым почерком набросал на чистой странице:

«Суббота. Ретрит в „Бору“. Препарировал власть. Они думают, что они титаны, удерживающие небосвод, но они лишь жирные паразиты на теле дряхлеющей системы. Дима предлагает мне стать соавтором новой монополии. Каспийский транзит — это не просто деньги. Это кровеносная система нового порядка. Я создам алгоритм, который свяжет их силовые ресурсы с моими аналитическими возможностями. Понедельник. „Infraspac“. Ночь К9. Я сорву покровы с их дистрибьюторской сети и посмотрю в глаза тем, кто будет разносить мой яд по венам этой страны».

Он закрыл дневник, и звук захлопнувшейся кожаной обложки прозвучал в пустой квартире как выстрел. Алексей подошел к панорамному окну. Москва внизу горела миллиардами фосфоресцирующих огней, напоминая гигантскую, микроскопическую плату в системном блоке компьютера. Он смотрел на этот улей сквозь свои платиновые очки *Cartier*, которые так и не снял. Его лидерский, агрессивный дух ликовал. До понедельника оставалось чуть больше суток, и этот город еще не знал, какая ледяная, очищающая буря готовится разразиться на его сорок седьмом этаже.

Воскресенье прошло в режиме абсолютной сенсорной депривации. Алексей сознательно отключил все рабочие телефоны, заблокировал доступ Кристине и перевел умную систему квартиры в режим «Тишина». Целые сутки он не произнес ни единого слова, экономя ментальную энергию для грядущего понедельника. Он читал трактаты Марка Аврелия в оригинале, подолгу стоял в силовых асанах на каучуковом коврике и смотрел, как мелкий, монотонный

дождь чертит ломаные линии на панорамных стеклах сорок седьмого этажа. Его эгоистичный разум кристаллизовался, превращаясь в монолит.

Понедельник наступил с точностью швейцарского хронометра. Офисный день в «Верт & Партнеры» Алексей отработал на чистом автопилоте — его тело присутствовало на совещаниях, губы послушно транслировали топ-менеджерские директивы Владу и Марку, а подсознание уже разворачивало зашифрованные логистические схемы каспийского транзита Дмитрия Воронцова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.